

Часовые машины Бюссера

Швейцарский часовщик Максимилиан Бюссер молод и хорош собой. Знаменит и признан в чопорных часовых кругах Швейцарии. Секрет его успеха заключается в том, что Бюссер — настоящий, неподдельный романтик. Он привык бросать вызов судьбе, круто менять свою жизнь и в итоге побеждать

Бюссер — сын швейцарца и индианки. Но похож на знойного итальянца. На такого особенного и родистого итальянца, которому шло бы к лицу сниматься в кино. В какой-нибудь страстной мелодраме про dolce vita. Его бы обязательно заметили американские продюсеры и пригласили поработать в Голливуде. Но Максимилиан Бюссер — часовщик. Когда-то он стремился сделать карьеру, достигнув больших высот, внезапно оставил это занятие. И стал придумывать — как он сам говорит — «часовые машины».

Те, кто знают Бюссера давно — а среди них и автор этих строк, помнят, каким он парнем был! Еще пять-семь лет назад Макс Бюссер носил очень дорогие и красивые, ладно сшитые костюмы, его черные волосы были тщательно уложены прическу с помощью бриолина, издававшего приятнейший запах. Еще пять-семь лет назад Бюссер трудился в часовом подразделении великого американского ювелирного дома Harry Winston. Бюссер был окружен одними из лучших в мире бриллиантов, французскими шампанскими винами и иранской черной икрой. Ему рукоплескала влюбленная в него пресса, имело довольно высокое начальство.

Причем было, за что аплодировать. Дело в том, что Бюссер, пришедший работать в 1998 году в Harry Winston из классической часовой мануфактуры Jaeger LeCoultre, придумал уникальный проект. Слово «уникальный» в данном случае — вовсе не пустой звук, не преувеличение, не обобщение. Уникальный проект назывался Orus. Его смысл заключался в том, чтобы каждый из какой-нибудь очень молодой, без пяти минут знаменитый, но абсолютно неизвестный широкой публике часовщик делал бы свой собственный Orus. Часы, которые вошли бы в серию, должны были быть особенными, непохожими на все существующие часы. В «опусах» вековая швейцарская механика должна была сочетаться с самой авангардной оболочкой. Все часы проекта выходили только лимитированными сериями и предназначались коллекционерам. И вот блестящий Orus придумал Бюссер. Пока он трудился в Harry Winston (это была эпоха бриллиантов, шампанского, икры, дорогих костюмов, набриолиненной прически и внимания прессы), на свет появилась пять часов Orus. Первый сделал Франсуа-Поль Журн, второй — Луиан Прецьюззо, третий — Вианне Хальтер, четвертый — Кристоф Кларэ, пятый — Феликс Умгартнер.

Это был блестящий коммерческий проект: за короткими часами Orus коллекционеры немедленно сраивались в очередь, но... в 2005 году Бюссер покинул свой пост в компании Harry Winston. Этот поступок вызвал шок — как можно бросить такое успешное начинание? Оставить такую почетную карьеру? Ведь эта карьера была не только блестящей, гламурной, но и почетной в часовом мире — Бюссер дал «зеленый свет»

молодым мастерам. И в некотором смысле его можно считать причастным к нынешней моде на часы молодых, нераскрученных компаний. Сам он объясняет свой поступок следующим образом: «Как-то раз я летел в самолете, и вдруг меня озарило: как я живу? Что я делаю? Для кого? Зачем все это?» По его словам, он почти моментально, еще тогда в самолете, принял решение уйти из компании и основать свою собственную марку.

В апреле 2006 года в кулуарах Базельской часовой выставки появилась первая информация о новой жизни Максимилиана Бюссера. Знающие люди говорили, что Бюссер уже зарегистрировал собственную компанию MB&F (Maximilian Busser & Friends). Утверждалось, что совсем скоро новорожденная MB&F представит миру серию удивительных, невиданных часов. Сам Бюссер не спешил появиться на публике. Стенда на выставке у него не было, никто не занимался налаживанием отношений с прессой или клиентами. Только за два дня до окончания выставки мы, наконец, смогли увидеть самого Бюссера.

И это был совершенно другой человек. Голубые, художественно разодранные на коленках джинсы. Белая рубашка. Потертый черный пиджак. Мокасины. Растрепанные волосы. И даже небольшая бородка. Словом,

это был самый обычный парень из Порто-Чино, а вовсе не серьезный, а некогда и еще пока блистательный швейцарский часовщик. В Бюссера мы нашли сидящим на каменных ступеньках одного из павильонов BaselWatches. Он подтвердил информацию о создании бренда. Сказал, что на создание «часовой креативной лаборатории» (именно так сам Бюссер и назвал свое предприятие) уйдет не меньше года. Он заверил, что, как только сделает первые часы, немедленно сообщит нам об этом. И замолчал на два года. Как выяснилось, делал часы.

Через два года после встречи на ступеньках Базеле мы вновь увидели Макса Бюссера — удивительно красивого молодого человека, который так легко и спокойно поменял статус и творческую работу в великой компании Harry Winston, финансовое благополучие, блеск лучших бриллиантов, звон бокалов на свою независимость. Из карьериста, красавца Бюссер вырос до харизматика. И о нем сейчас можно говорить больше, чем говорили в то время, когда он работал в Harry Winston.

На недавней встрече в Москве Бюссер сообщил мне, что в MB&F работают 35 человек. И занимаются деталями механизмов, дизайн, полировка, гравировка, а также маркетинг, пиар — и делается внутри компании.

Сейчас в линейке MB&F — две модели, носят названия «часы». Сам Бюссер называет их «машинами» — Machine 1 и Machine 2. Это по вкусу выражение «кинетическая скульптура». Ничего общего с классическими образцами эталонами швейцарской часовой промышленности эти «машины» не имеют. Их даже трудно считать авангардными кунштюками из серии Orus. «Часовые машины» MB&F предназначены для коллекционеров, собирателей часовых музеев — обычный потребитель швейцарских часов вряд ли сможет носить такие «кинетические скульптуры». Большой вопрос и в том — можно ли их носить на руке в принципе? «Это можно носить, а можно хранить в коллекции», — уверен сам Бюссер. — Кстати, среди моих часов есть и немало женщин».

Дизайн Machine 1 и Machine 2 можно назвать ретрофутуристическим. Это массивные, толстые часы, часовые приборы со специальными разработанными калибрами, оснащенными турбийонами. Они еще более сложны, еще необычны, чем знаменитые «опусы», которыми патронировал в Harry Winston. Сам Макс Бюссер очень, как-то по-юношески волнуется, когда рассказывает о своих часах, а говорить с ним можно бесконечно. В конце двухчасового разговора я спросила его: «Вы счастливы?» Бюссер ответил утвердительно. «Мне не так долго шел к своему счастью. Я не знал, что это такое. Оказалось, что мое счастье — свобода и возможность делать то, что я люблю». mbandf.com

